

ПРОВИНЦИЯ ШАНЬСИ, ДРЕВНЯЯ И ЗАГАДОЧНАЯ

Н.А. КУЗЬМИН
Московский городской
педагогический университет

Ключевые слова: Китай, провинция Шаньси, китайские традиции

В наши дни глобализации и унификации постепенно стираются различия между культурами и цивилизациями. В Китае, несмотря на его самобытность и многотысячелетнюю историю, этот процесс ощущается особенно отчетливо. В любом городе страны можно зайти в рестораны быстрого питания «Макдоналдс», во всех кинотеатрах идут фильмы зарубежного производства... Китайцы всё больше и больше хотят подражать западному миру. Однако такая тенденция наблюдается, скорее, среди молодежи, порой считающей, что всё свое, китайское, уже устарело, нежели среди людей среднего и пожилого возраста.

От молодых китайцев мне много раз приходилось слышать, что традиционная музыка слишком примитивная, медленная, что китайская опера - непонятная и занудливая, архитектура - однообразная и невыразительная...

Однако, несмотря на ускоряющийся ритм жизни, в Китае есть места, где можно, как на машине времени, перенестись в далёкое прошлое, ощутить истинное (а не умело отреставрированное) дыхание старины. Одно из таких мест - провинция Шаньси. Здесь, как утверждают сами китайцы, пять тысяч лет назад зарождалась китайская цивилизация, это то место, где составлялась Книга Песен *Шицзин*.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КАЗУС

Преодолев пять часов в трясушемся автобусе из Тяньцзиня в Шаньси, мы прибыли в столицу провинции город Тайюань. Во время этого изнурительного путешествия проехали по равнинам провинции Хэбэй, и, когда началась гористая местность, стало понятно, что постепенно мы перемещаемся в прошлое.

Перед нашими взорами предстали песочного цвета долины, сплошь покрытые сельскохозяйственными угодьями, стали выростать желтоватого оттенка горы. Основу экономики Шаньси составляет добыча угля, и, как мне объяснил мой спутник - китайский друг, здесь сквозь толстый слой угольной пыли редко проглядывает солнце.

Однако он явно сгустил краски: всё оказалось намного безопаснее, чем можно было себе представить по его рассказу.

Мы наконец въехали в Тайюань. Мне показалось, на первый взгляд, что это один из тысяч провинциальных, серых китайских городов, где отслужившие свой век автобусы переполнены пассажирами, где на пыльных улицах разбросан мусор... По правде говоря, моё первое впечатление от Тайюаня было именно таким, однако, забегая вперёд, скажу, что оно изменилось.

Целью нашего путешествия был вовсе не Тайюань, а маленький городок Юйцы неподалёку от него. Но эта кажущаяся на карте близость обернулась ещё одним полуторачасовым путешествием на автобусе.

Когда мы прибыли в Юйцы, уже стемнело. У китайцев есть выражение, сходное с русским: «Кто рано встаёт, тому Бог подаёт». Правда, по-китайски оно звучит так: «Кто рано встаёт, у того хорошее здоровье». Свет гаснет спозаранку не только в окнах местных жителей, следующих этой народной мудрости, но и на улицах. Впрочем, может, мне просто так показалось, поскольку пункт нашего назначения - дом, где живёт мой друг, - был вдалеке от центральных улиц.

Этот дом ничем не выделялся среди других многоквартирных зданий типовой застройки. Как правило, в китайских домах нет консьержки или кого-то другого, оберегающего спокойствие жите-

лей подъезда. Но у въезда в микрорайон, обнесённый стенами - так что посторонний не пройдет - обычно сидит охрана.

Однако дом моего знакомого не охранял никто. Стены подъезда и лестницы, по которым ввиду отсутствия лифта нам пришлось подниматься, сплошь были покрыты рекламными листовками, предлагающими приобрести то средство от болей во всех частях тела, то услуги частного детектива для слежки за неверным мужем.

На пороге квартиры нас встретила приятная старушка лет 70 - бабушка моего друга...

Надо сразу объяснить, что провинция Шаньси относится к ареалу распространения северного диалекта - *гуаньхуа* (на основе которого и сложился официальный китайский язык *путунхуа*). Однако местный диалект отличается от *путунхуа* довольно сильно. Представители молодого поколения китайцев, вне зависимости от того, выходцами из какой провинции они являются, сносно объясняются на *путунхуа*. Что же касается людей старшего поколения (особенно если они всю жизнь прожили там, где родились, и не получили достаточного образования), то среди них часто можно встретить тех, кто на официальном языке объясняется с трудом. Притом, что они могут хорошо понимать *путунхуа*.

Вот такая интересная лингвистическая ситуация!

Бабушка моего друга, как я и предполагал, без труда понимала, что я ей говорил на *путунхуа*. Однако то, что она сама пыталась мне объяснить, зачастую было для меня загадкой, но отдельные фразы понять я всё-таки сумел.

Хотя мы приехали вечером, стол был накрыт для гостей. Согласно китайской традиции, во время приёма пищи на столе должно быть несколько видов блюд, и желательно, чтобы гость отведал каждое из них. Вдобавок ко всему посреди стола располагалась тарелка с горячими пам-

пушками - *маньтоу*. Эти пампушки без начинки, из белой пшеничной муки - традиционная еда в северном Китае (на юге Китая вместо *маньтоу* едят рис). Так что процессом поедания пампушек и закончился первый день нашего пребывания в сердце провинции Шаньси.

В ГОСТЯХ У СЕМЬИ ЧАН

На следующий день у нас было намечено посещение *Чанцзя чжуанюань* (Усадьба семьи Чан) - огромного комплекса, построенного в древние времена богатой семьёй Чан, торговцами чаем. Существует понятие *цзиньшан*, что можно дословно перевести как «торговцы из Цзинь». Цзинь - это название древнего царства, существовавшего на территории Шаньси больше двух тысяч лет назад. Во времена китайских династий Мин (1368-1644) и Цин (1644-1911) «торговцы из Цзинь» активно занимались коммерцией и нажили огромные состояния. Многие из зажиточных семей строили себе похожие на город дома-усадьбы. Среди таких была и семья Чан. Именно в «гости» к ней мы и поехали.

...Автобус остановился перед массивными воротами. Я спросил у моего друга: «Что, это ворота какой-то древней крепости?». Он, улыбнувшись, ответил: «Это и есть усадьба семьи Чан».

Перед мощными воротами группа женщин в красно-желтых костюмах, держа в руках традиционные музыкальные ударные инструменты, похожие на гонги, с неистовым энтузиазмом исполняла какую-то мелодию. Зрителей почти не было, так что по случаю какого события был дан этот мини-концерт, осталось для нас загадкой.

Купив билеты и пройдя по мосту через ров и крепостные ворота, мы оказались внутри усадьбы. Первое, что поразило, - её невероятные размеры, сопоставимые с размерами небольшого города. Но ведь и китайские семьи традиционно были весьма велики. От общего предка шли параллельные ветви родового дерева. В традиционном понимании, вся семья - от мала до велика - должна была держаться и жить вместе, что, в соответствии с выражением «четыре поколения под одной крышей», в те времена было вполне логично.

Территория усадьбы разделе-

на центральной улицей, с которой можно войти во дворы усадьбы. В одном дворе жил глава клана с семьёй, в другом - его младший брат, в третьем - другие его родственники, в четвёртом - их слуги. Как нам рассказали, общее число сооружений превышает 40, а число комнат достигает полутора тысяч.

Однако последуем дальше.

Справа от главных ворот высился храм предков семьи Чан. Конфуцианская традиция предполагает трепетное отношение не только к своим родителям, но и к своим предкам. Согласно воззрениям древних китайцев, души прародителей нуждаются в регулярных подношениях, совершаемых их потомками. Для этой цели в домах устраивались особые «алтари предков», уставленные поминальными табличками с именами усопших. Их потомки (мужского пола) были обязаны совершать ритуалы поминовения и приносить жертвы в виде вина, фруктов или зажжённых благовонных палочек. У семей, которые могли себе это позволить, как, например, семья Чан, для этих целей строились отдельные сооружения.

В усадьбе семьи Чан построены несколько таких павильонов. В одном из них мы увидели обширное генеалогическое древо этого торгового клана. В другом нашли сами поминальные таблички с ритуальными треножниками перед ними. Но поскольку усадьба превращена в музей и ныне здравствующие потомки Чан сейчас в ней не живут, их предков здесь уже некому помянуть.

Из храма предков мы вновь вышли на центральную улицу, разделявшую усадьбу на две половины. Улица напоминала, скорее, коридор. Каждое крыльцо над входами во внутренние дворы украшено загнутой кверху крышей. Прямо над дверьми висели окаймлённые золотым узором голубые таблички, на которых золотыми иероглифами написаны названия двориков. На колоннах, поддерживающих крышу крыльца, - парные надписи с пожеланиями счастья.

По бокам ворот, подобно стражникам, стоят каменные львы. Если внимательно приглядеться, сразу заметишь, что у льва слева под лапой - маленький львёнок, а у того, что справа, под лапой - шар. Древние китайцы предполагали, что львята кормят-

ся молоком матери через её лапу, следовательно, зверь с львёнком под лапой - львица, а с шариком - лев.

Меня всегда интересовало, почему крыши в традиционной китайской архитектуре столь причудливой формы. С этим вопросом я многократно обращался к моим китайским друзьям. Как правило, в ответ они смотрели на меня недоумённо и, наверное, думали: как ему такое могло прийти в голову?

Действительно, то, что иностранцам кажется экзотическим, необычайным, для китайцев - повседневность и будничность, о которой особо размышлять не надо.

Так как крышами я интересуюсь давно, и опрошенных мной людей довольно много, приведу лишь некоторые варианты их ответов. Вариант первый и самый банальный: такие крыши удобны для отвода дождевой воды. На мой взгляд, объяснение уж слишком простое - такая форма крыши, скорее всего, имеет более глубокий смысл.

Вариант второй, более интересный: такие крыши похожи на ласточкины хвосты. Ласточки, как известно, перелётные птицы и всегда возвращаются в места, где они родились. Так и родители надеются, что их дети, после того, как достигнут определённого положения и наберутся опыта вдали от отчего дома, рано или поздно в него вернуться. Такое объяснение мне кажется самым правдоподобным.

Есть и третий вариант. Древние жители Поднебесной, как следует из книг, очень боялись злых духов. А те обладают одной особенностью: они могут передвигаться только по прямой, а любые зигзаги и углы для них - непреодолимое препятствие. И потому-то крыши домов строились закруглёнными кверху.

Впрочем, я думаю, что эта архитектурная особенность вызвана множеством разнообразных обстоятельств, которые с течением времени её и сформировали.

Миновав ворота, посетитель должен переступить через высокий порог. Именно переступить - ни в коем случае на него нельзя наступать. Иначе, встав на высокую ступеньку, человек будет казаться выше остальных, что может быть расценено как проявление невоспитанности и бескультурья.

Пройдя сквозь эти ворота и переступив через порог, оказываешься перед стеной (*чжаоби*), которую надо обойти, чтобы войти во внутренний дворик.

Зачем же сразу за дверью строить стену, спросите вы? Всё дело опять-таки в злых духах, которые, как известно, могут передвигаться только по прямой - так что во дворик они войти не смогут. Как правило, *чжаоби* бывает украшена каменным барельефом с сюжетами из мифологии.

Обогнув это препятствие, мы оказываемся в узком дворике, похожем на коридор, ограниченный с двух сторон одноэтажными длинными строениями. Чаще всего это в них размещается прислуга, здесь же помещения для кухни и для складов.

Прошли по этому недлинному коридору под открытым небом, вошли в ещё одни, на этот раз небольшие, ворота, и вот мы в главном внутреннем дворике. Перед нами большой двух- или трёхэтажный дом - это и есть главный дом хозяина и его семьи. На втором этаже - балконы с резными балюстрадами, украшенные растительным орнаментом. Обратите внимание, как тщательно вырезаны из дерева листья, цветы и плоды - они к тому же несут и символическую нагрузку. Лотос, например, - символ чистоты и непорочности. В посвященном ему коротком произведении сунского философа Чжоу Дуньи *Айлянъ шо*, о лотосе говорится как о «*вышедшем из грязи, но незапятнанном*».

Другой представитель растительного мира - гранат, из-за обильного количества семян, по мнению древних китайцев, являлся символом плодovitости. Интересно отметить, что в китайском языке слова «семя» и «ребёнок» созвучны, что, естественно, делает гранат одним из символов семейного счастья.

Усадьба семьи Чан состояла из нескольких подобных дворов, в каждом из которых располагалась одна из ветвей большого семейства. Как правило, все они в своих дворах вели обособленную жизнь, но во время торжеств, посвящённых поминовению усопших предков, или же в дни празднования китайского Нового года семья могла собираться вместе.

В Шаньси много подобных, сохранившихся до наших дней, усадеб. Часто они становятся

площадками для съёмок исторических фильмов и сериалов. К примеру, известный китайский режиссёр Чжан Имоу здесь, в поместье семьи Цяо, снял всемирно известный фильм «Зажги красный фонарь». В фильме показана жизнь феодала и его жён в начале XX в.

ДРЕВНИЙ ГОРОД ПИНЬЯО

На следующий день утром мы решили попробовать традиционный завтрак. Некоторые китайцы не завтракают дома, а часов в шесть-семь поутру выходят на улицы и направляются в сторону небольших палаток, откуда исходит аромат свежеприготовленных кушаний. Как сказал мой китайский друг, продающаяся там закуска называется *ютяо* (или «масляные полоски»).

Подойдя поближе к самодельным палаткам, мы увидели, что около большого чана с кипящим маслом стоит пожилой мужчина - с помощью длинных палочек он контролирует степень обжарки этих самых «полосок». Пожилая женщина возле него (скорее всего, его супруга) ловко отщипывала от общего куска теста небольшие комочки и маленькой дощечкой придавала им прямоугольную форму. Когда наступала очередь этих полосочек попасть в кипящее масло, старик бросал их в котёл. Полоска мгновенно начала шипеть, и повар быстро переворачивал её длинными палочками.

Спустя полминуты он вынимал полоски из кипящего масла и бросал их в дуршлаг, чтобы остатки масла стекли обратно в котёл. Ещё секунды ожидания, и покупатель мог забрать свой «завтрак», заплатив за каждую полоску всего 5 цзяо (около 2,5 рублей).

Масляная полоска, сдобренная обильной порцией сахара, напоминала родные нам пончики. Запить эту сладость можно было соевым молоком, которое прямо здесь и готовили из соевых бобов.

Основательно подкрепившись, мы отправились в один из самых удивительных городов Китая - древний город Пиньяо.

Поначалу он не произвёл на меня особенного впечатления: пыльные улицы напоминали о сухом местном климате, на фасадах домов были хаотично развешены вывески различных заведений - от магазина по продаже

запчастей до бюро оказания ритуальных услуг.

Прошли несколько улиц, запруженных людьми, и перед нами выросли величественные стены серого кирпича - это и есть древний город Пиньяо.

Зимы сменялись вёснами, правители сменялись новыми владыками, эпохи сменялись эпохами, а Пиньяо, кажется, застыл во времени, на рубеже династий Мин и Цин.

Пройдя через городские ворота, мы оказались внутри города, и впрямь тогда ощутили, что на машине времени перенеслись в прошлое. Вдоль улиц тянулись низкие одноэтажные дома классической китайской архитектуры. В их облике не чувствовалось ни крупницы фальши, как, к примеру, во многих достопримечательностях Пекина, создающих впечатление, что реставраторы перестарались с «обновлением» и превратили древние сооружения чуть ли не в новодел. Дома в Пиньяо умиротворяли и радовали глаз древностью неподдельной.

На центральной улице, по которой мы шли, было открыто множество магазинов для туристов, торгующих всякой всячиной местного производства. Пиньяо известен в Китае и за его пределами лакированными изделиями - шкатулками, ширмами и прочей деревянной утварью, покрытой черным лаком и украшенной разноцветными инкрустациями. Чёрный лак из Пиньяо известен с глубокой древности, а покрытые им предметы могут сохраняться в течение многих десятилетий. Впрочем, могут встретиться и подделки, но мне, непрофессионалу, разобраться в этом было довольно сложно.

Ещё одна особенность Пиньяо - «говядина из Пиньяо»: её мы с удовольствием дегустировали в местном ресторане. Этот продукт напоминает ветчину и подаётся как закуска холодными тонкими ломтиками. На наш взгляд, этот местный деликатес вполне хорош и вовсе не похож на многие другие китайские копчёности сомнительного вкуса и запаха.

В сравнении с усадьбой семьи Чан, постройки в Пиньяо более разнообразны. Среди них - одноэтажные дома простых горожан, виллы богачей, а посреди города - трёхъярусная смотровая башня. Тот же принцип планировки домов, что и в усадьбе семьи Чан, господствовал и в Пиньяо: воро-

Смотровая башня Пиньяо.

та, стена, защищающая от злых духов, внутренний дворик, большой хозяйский дом. Во дворах встречался вмурованный в стену алтарь духа ворот - маленькая фигурка хорошо вооружённого небесного воина с символическими подношениями перед ним. В центре некоторых дворики располагалась большая ваза с дождевой водой, в которой хозяева могли держать золотых рыбок или же выращивать декоративные лотосы.

Преодолев несколько крутых лестниц, мы забрались на верх смотровой башни - перед нами открылась панорама города. Не скажу, что от вида множества серых, загнутых кверху крыш и торчащих из них дымоотводных труб захватывало дух, однако отсюда можно было по-новому взглянуть на ставшие уже привычными улицы. На крышах многих домов располагался неслучайный атрибут большинства китайских домов - кондиционер.

На примере Пиньяо можно наглядно изучить традиционную планировку древнекитайских городов. Большинство из них имели квадратную или прямоугольную форму, разделённую на четыре равных сектора двумя перпендикулярными улицами. К этим основным улицам под прямым углом примыкали улицы поменьше. Такой рациональный подход к городскому строительству был удобен не

только с точки зрения ориентирования - одна из улиц шла с севера на юг, а вторая - с запада на восток, - но и с точки зрения защиты от злых духов, для которых, как мы уже знали, прямые углы недоступны. А смотровая башня в центре города, помимо своего предназначения как пожарной вышки, являлась для древних китайцев идеальным инструментом улучшения *фэншуй* местности.

В каждом городе Китая есть места для отправления жителями религиозных обрядов. А поскольку в стране довольно специфическая религиозная ситуация, в каждом городе есть несколько храмов разных конфессий. В Пиньяо нам удалось найти храм Духа города (*Чэнхуан мяо*), конфуцианский храм (*Кун мяо*) и католический храм. Китайцы верили (да некоторые верят и по сей день), что у каждого города есть дух-защитник *чэнхуан*, которому для благополучия города и самих жителей необходимо приносить жертвы. Подобные храмы, посвящённые духам-защитникам городов, есть во многих городах Китая и по сей день, хотя сегодня они превратились, скорее, в музеи, чем в места отправления религиозного культа.

Как нам показалось, китайские храмы устроены примерно одинаково. В каждом есть ворота с табличкой, на которой написано название храма, внутренний дворик, разделённый сквозными павильонами, где установлены фигуры богов, колокольные и барабанные башни, а также другие по-

стройки. Мы были удивлены, увидев в храме Духа города театральную сцену, но, как объяснил мой китайский друг, на таких сценах в древности разыгрывали представления, посвящённые этому божеству.

На осмотр конфуцианского храма мы отправились позднее. Этот храм был не только местом поминовения «первого учителя Китая» - здесь обучали также конфуцианским текстам и проводили региональные экзамены на учёные степени. В каждом конфуцианском храме, в его главном и самом большом павильоне, непременно установлена табличка с именем учителя *Куна* - именно так произносится по-китайски имя великого философа и педагога. «Студенты» древнего Китая обращались к Конфуцию за помощью для успешной сдачи экзамена.

Абсолютной неожиданностью было для нас обнаружить здание с крестом на шпилевидной крыше. Подойдя поближе, мы убедились: это действительно католический храм. В XVIII-XIX вв. европейские миссионеры развернули активную христианскую пропаганду на просторах Китая, и увидеть христианский храм в таких портовых городах, как Шанхай или Гуанчжоу, где число и влияние иностранцев в те времена было велико, вполне нормально. Однако подобное сооружение в Пиньяо показалось нам абсолютно фантастическим.

На этом наше путешествие в древний и необычный Китай подошло к концу, и вечером того же дня мы вернулись обратно в Цзинчжун, а через несколько дней - и в Тяньцзинь.

Это путешествие оставило в моей памяти неизгладимый след. Именно в Шаньси мне удалось прикоснуться к китайским древностям, которые уже почти невозможно найти в Пекине или Шанхае. Радует, что сохранился этот удивительный уголок Поднебесной, сберегший в себе дыхание времени.

Если вы, путешествуя по Китаю, устанете от вида небоскрёбов Шанхая, от вечно спешащей толпы на улицах Пекина - съездите на пару дней в Шаньси, окунитесь в атмосферу древней страны, ведь таких удивительных мест осталось в Китае совсем немного.

Фото автора